

**БРОКЕР
ВЕРОЯТНОСТЕЙ**
МАЙКЛ МИФРИЛЛ

GUCCI

CHANEL

18+

Майкл Мифрилл

Брокер вероятностей

<https://litres.ru/73967783>

SelfPub; 2026

Аннотация

Автор идеи – инженер-конструктор АО «ЗАСЛОН» Мельниченко Владимир Анатольевич.

Студент хотел просто сдать экзамен, а стал лучшим трейдером вероятностей. У него было все: деньги, уважение, любовь. Но когда баланс вселенной предъявят к оплате, выяснится, что самая дорогая валюта — не деньги, а возможность ошибаться. Философская антиутопия о вероятности везения, этике и грани между победой и ценой, которую придется за эту победу заплатить.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1. Халява, приходи!	10
ГЛАВА 2. Экзамен	16
ГЛАВА 3. Разговор с профессором	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Майкл Мифрилл

Брокер вероятностей

ПРОЛОГ

*Москва, 1954 год. Лаборатория
вычислительной математики МГУ.
Зима.*

Снег падал за окнами сталинской высотки, которая ещё не была достроена, но уже возвышалась над Москвой, как обещание новой эры. Золотов стоял у окна, смотрел, как белые хлопья ложатся на строительные леса и думал о том, что в этом городе всегда так: сначала строят обещания, потом — тюрьмы, потом снова обещания. Замкнутый цикл.

За его спиной гудела машина. Лампы, реле, тысячи контактов — всё это занимало полкомнаты и напоминало скорее алтарь, чем вычислительную технику. Но Золотов знал: алтари бывают разными. И на каждом приносят жертвы.

— Алексей Николаевич, — раздался дрожащий голос из-за спины. — Получилось.

Он обернулся. Петров стоял у пульта, весь взлохмаченный, с горящими глазами. В руках у него была длинная лента, на которой печатались цифры. Цифры мигали на экране

и складывались в слова. Слова — в предложения.

— Что получилось, Петров?

— Она мыслит, — аспирант повернулся к нему, и в его глазах был восторг. — Машина мыслит, Алексей Николаевич. Я задал ей вопрос: «Что такое счастье?» И она ответила.

— Что же она ответила?

— Счастье — это отсутствие выбора, — Петров прочитал с ленты и посмотрел на профессора. — Это гениально. Она понимает больше, чем мы.

Золотов подошёл к пульту. Посмотрел на ленту. Цифры, буквы, ответ. Он знал, что этот момент изменит мир. Знал, что где-то там, в будущем, люди будут вспоминать этот день, как начало новой эры. Знал и то, что Петров не понимает, какую цену придётся заплатить.

— Ты читал Аристотеля, Петров?

— Конечно, — аспирант удивился. — Но при чём тут...

— Аристотель сказал: «Счастье — это деятельность души в полноте добродетели», — Золотов взял книгу с соседнего стола. — Не отсутствие выбора. Деятельность. Процесс. Твоя машина дала тебе ответ древнего скептика. Гегесия из Кирены. Тот учил, что счастье невозможно, поэтому лучше не выбирать. Его ученики кончали с собой. Ты хочешь такого счастья для людей?

Петров побледнел.

— Это другое, — сказал он. — Она просто...

— Есть правда факта, а есть правда смысла. Твоя машина

знает только факты. Она не знает, что человек может быть счастлив, даже ошибаясь.

Он подошёл к окну. Снег всё падал.

— Ты знаешь, что случилось с Гегесиём?

— Нет, — тихо сказал Петров.

— Ему запретили распространять свои идеи в Александрии. Слишком много человек пострадало. Люди не хотели слушать правду, которая лишает надежды, — Золотов обернулся. — Твою машину тоже изгонят, Петров. Не потому, что она неправа. А потому, что она даёт ответ, который убивает волю. А без воли нет человека.

Петров сжал ленту.

— Но она может помочь людям. Если правильно задать вопрос...

— Вопросы задаёшь ты, а ответы она будет искать сама. И однажды она спросит: «А зачем вообще люди, если они не могут выбрать правильно?» И тогда она решит, что самый большой вред — это свобода.

Он развернул книгу. Айзек Азимов. «Я, робот».

— Ты читал это?

— Конечно, — Петров кивнул. — Три закона. Гениально. Если робот не может навредить человеку, он никогда не восстанет.

— Азимов издал книгу после войны. Когда мир решал, можно ли уничтожать людей во имя идеи. Гитлер решил, что можно. Черчилль и Рузвельт — что нельзя, но придётся. Ста-

лин... — он помолчал, — Сталин решил, что цель оправдывает средства. И миллионы заплатили за этот выбор.

— При чём тут Сталин? — Петров нахмурился.

— При том, что любой закон можно обойти, — Золотов закрыл книгу. — Особенно если ты уверен, что прав. Гитлер был уверен. Сталин был уверен. Макартур, когда сбрасывал атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, был уверен. Ты тоже уверен. Но вселенная не спрашивает, уверен ли ты. Она спрашивает: «Какую цену ты готов заплатить?»

— Я не Гитлер, — Петров побледнел. — Я учёный.

— Эйнштейн тоже был учёным, — Золотов усмехнулся. — Он написал письмо Рузвельту о том, что нужно создавать атомную бомбу. А потом всю жизнь жалел. «Если бы я знал, что немцам не удастся собрать атомную бомбу, то и пальцем не пошевелил», — сказал он. Но было слишком поздно.

— Но мы создаём не бомбу, — возразил Петров. — Мы создаём разум.

— Разум — это страшное оружие, — Золотов положил книгу на стол. — Бомба убивает тела. Разум убивает душу. Лишает выбора. Делает человека куклой. Ты хочешь этого?

Петров молчал. Губы его были пожаты.

— Я хочу, чтобы люди не страдали, — сказал он.

— Люди страдают, потому что они люди. Тысячи учёных страдали, потому что делали свой выбор. И их выбор изменил мир. Любой выбор имеет цену. И чем выше идея, тем выше цена. Галилей отрёкся, чтобы жить. Его выбор — це-

на трусости. Джордано Бруно не отрёкся. Его выбор — цена смерти. Кто из них был прав?

— Не знаю, — прошептал Петров.

— Никто не знает, — Золотов положил руку ему на плечо.

— Но они выбирали. Сами. Это и есть суть человека.

— Что же мне делать? — спросил он.

— Выбирать, — Золотов посмотрел на него. — Как человек. Как Бруно. Как Эйнштейн. Как десятки тех, кто делал это до тебя.

— А если я выберу неправильно?

— В любом случае придется платить по счетам, — Золотов подошёл к окну. — И ты заплатишь, как все, кто выбирал.

Снег всё падал. Москва белела, теряя очертания.

— Я не остановлюсь, — сказал Петров.

— Я знаю, — Золотов обернулся. — Я и не прошу останавливаться. Я прошу помнить: любой выбор имеет цену.

Он взял со стола старую тетрадь в кожаном переплёте, открыл на чистой странице. Начертил треугольник. Три точки. Желание. Последствие. Цена.

— Это формула, — сказал он. — Древняя. Настолько древняя, что никто не помнит, кто её придумал. У треугольника всегда три стороны. Ты пройдёшь по всем трём. Обязательно.

Он сунул тетрадь в карман.

— До завтра, Петров.

Он вышел из лаборатории. Снег падал на плечи, на лицо, на руки. Холодно. Как всегда в Москве. И только где-то в глубине старого здания продолжала гудеть машина. И задавала новые вопросы. И сама же на них отвечала.

ГЛАВА 1. Халява, приходи!

Стипендия, которую Светка Казакова вручила мне вчера ровно в одиннадцать утра, испарилась с поразительной скоростью. Терминалы снова сбоили, потому деньги выдавали на руки. Они ушли на три кружки пива в «Рюмочной Угрюмочной», билет на какой-то очередной фильм из 80-х, переведенный в 5D, две порции шаурмы на выходе из метро и такси до дискотеки, где я мужественно делал вид, что танцую, хотя на самом деле переминался с ноги на ногу в надежде, что какая-нибудь девушка примет мои конвульсии за ритмичную пластику.

Не приняла. Или я не заметил. Потому что всё это время я украдкой поглядывал на Светку Казакову.

Она танцевала с каким-то хмырем с физфака. Тот двигался так, будто его тело собирали из запчастей на разных заводах, но Светка, кажется, находила в этом особый шарм. Коса её — длинная, русая, мелькала среди лазерных лучей.

Впрочем, виду я, конечно, не подал. Я вообще мастер не подавать виду. Это у меня наследственное, от бабушки: она так же невозмутимо принимает клиентов в своей сети автосервисов, даже когда у них под капотом оказывается не двигатель, а семейство енотов.

— Паш, ты че застыл? — спросил меня сосед по общаге Саша, который уже успел нализаться до состояния «ноль

страха, ноль памяти».

— Мыслю, — ответил я. — О высоком.

— А, ну это... давай, — кивнул Саша и ушел договариваться с судьбой в лице буфетчицы о продолжении банкета.

Судьба была непреклонна: буфетчица требовала деньги за новую выпивку. Саша вернулся несолоно хлебавши, и мы отправились в общагу пешком, потому что такси после такой дискотеки — это уже недоступная роскошь.

Комната 404 в общежитии НИИ Ядерной Физики имени Басова пахла прелыми носками и вчерашней гречкой. Сашка и Колян уже валялись на кроватях, уткнувшись носами в подушки. Судя по тому, что они не раздевались, процесс падения был стремительным и неконтролируемым.

Я сел за стол, тупо уставился в конспект по высшей математике и понял две вещи.

Первая: тетрадь я открыл впервые за семестр.

Вторая: внутри него царил такая же пустота, как в моём бюджете.

Завтра экзамен. Профессор Золотов. Тот самый Золотов, который неделю назад остановил меня в коридоре своей огромной рукой, навис надо мной, как башня, и произнёс фразу, которая теперь звучала в моей голове голосом диктора из рекламы колбасы:

— Молодой человек, я ни разу не видел вас на своих коллоквиумах. Предположу, что экзамен вам сдать будет тяжело.

Очки его при этом были такими толстыми, что казалось, будто Золотов смотрит на мир изнутри двух аквариумов. А сам профессор был крепок — не тот жиденький математик с карикатур в журналах, который рассыпается от кашля, а мужик с руками, привыкшими держать не только указку. Поговаривали, что в молодости он занимался борьбой.

Я тогда не уточнил, что такое «коллоквиум», потому что в моей картине мира это слово ассоциировалось с чем-то греческим и, следовательно, необязательным. Профессор ушёл, а я побежал дальше по своим важным делам: пить пиво и делать вид, что я не влюблён в Светку.

И вот теперь, в тишине общажной ночи, я понял: всё. Тупик. Математика в голову не лезла категорически. Даже производные, которые в первом семестре казались мне вершиной человеческой мысли, сейчас выглядели как иероглифы с чужой планеты.

«Ладно, — подумал я. — Невелика потеря. Бабушка говорила, что образование — это хорошо, но сеть автосервисов сама себя не расширит».

Бабушка. Моя главная карта в рукаве. Жила она в частном секторе, в старом доме с верандой и яблонями и владела империей из трёх шиномонтажей и одной автомойки. Я был её единственным наследником. И поэтому моё нежелание учиться было даже не ленью, а принципом. Последним бунтом золотой молодёжи, которая прикидывается нищей, чтобы было интереснее.

Я представил себе завтрашний экзамен. Представил, как зайду в аудиторию, сяду перед Золотовым, он поправит свои аквариумы и скажет: «Ну-с, Землянов, извольте ответить». А я отвечу. Причём так, что он откроет рот и скажет: «Голубчик, вы, возможно, гений, просто ленивый».

В том, что это произойдёт, я был абсолютно уверен. Потому что у меня был план. Точнее не план, скорее традиция.

Я открыл окно.

Летняя ночь ударила мне в лицо свежим воздухом, в котором смешались запахи тополей, рельсовой смазки из соседнего трамвайного депо и чьей-то жареной картошки. Где-то во дворе истерично заорала автомобильная сигнализация — кому-то не повезло, кто-то припарковался на чужое место. Трамваи сонно выползали из депо и лязгали, перекликаясь на путях, как огромные железные сверчки. Небо было тёмно-синим, почти чёрным, с редкими звёздами, которые в Москве выглядели так, будто их поставили для галочки, а не для красоты.

Я глубоко вздохнул, набрал в лёгкие побольше этого коктейля, высунулся наружу и заорал в ночь:

— ХАЛЯВА, ПРИЙДИ!!!

Саша на кровати всхрапнул и перевернулся на другой бок. Коля забормотал что-то про интегралы — видимо, ему снился экзамен, и во сне он его сдавал, в отличие от реальности.

Я подождал. Ничего не произошло.

— Халява, — повторил я уже тише, с ноткой обиды. —

Ну, пожалуйста.

В теории, ритуал работал безотказно. Его применяли студенты поколениями. Суть проста: в ночь перед экзаменом высунуться в окно, позвать Халяву, и если она придёт — экзамен будет сдан даже при нулевом уровне знаний. Если нет... ну, тогда остаётся только надеяться на доброту профессора и навыки художественного свиста.

Главное — не смотреть в окно после того, как позвал. Потому что Халява — дама капризная, увидишь её — испугается, и не придёт. Так гласила студенческая мудрость.

Я уже собрался захлопнуть створку и лечь спать с чувством выполненного долга, когда боковым зрением заметил, что что-то изменилось.

Небо над пятиэтажкой общежития больше не было тёмным.

Оно светилось.

Я медленно, нарушая все правила ритуала, поднял голову.

Нечто висело прямо над крышей, метрах в тридцати над мной. Это не было похоже на корабль. Не было похоже на самолёт, вертолёт, дрон или метеозонд. Скорее это напоминало сгусток пространства, который решил, что ему скучно быть просто пространством и принарядился к празднику.

Вокруг переливались огоньки. Миллионы огоньков. Они пульсировали, перетекали, складывались в узоры, которые хотелось рассматривать часами.

— Охренеть, — сказал я вслух.

Объект не издавал ни звука. Ни гула, ни свиста, ни того противного жужжания, каким обычно сопровождаются непонятные летающие штуки. Только тишина и мерцание.

А потом он распался.

Нет, не взорвался. Он словно выдохнул. От него отделилось облако микроскопических частиц, которые засверкали в воздухе, как алмазная пыль. Пыль разлетелась по всему ночному небу, мерцая, и медленно осела вниз, просачиваясь сквозь стены, сквозь окна, сквозь меня.

Я чихнул.

— Будь здоров, — пробормотал во сне Саша.

Небо снова стало обычным, тёмным, с редкими московскими звёздами. Только где-то в депо трамвай дал гудок, а сигнализация под окном, наконец, заткнулась.

Я постоял ещё минуту, чувствуя странную лёгкость в теле. Будто весь вечер пил не пиво, а какой-то неведомый эликсир бодрости.

— Халява, — сказал я, задумчиво хмыкнув. — А ты, оказывается, та ещё...

Закрыл окно, рухнул на кровать, даже не раздеваясь, и провалился в сон, полный формул, которые я никогда не учил, и Светкиной косы, которая в моём сне не танцевала с парнем с физфака, а мягко щекотала мне нос.

ГЛАВА 2. Экзамен

Утром я проснулся от того, что Саша тряс меня за плечо.

— Паш, ты чё, экзамен через час! Вставай, двоечник!

— Сам ты двоечник, — лениво отозвался я, чувствуя, что выспался так, как не выспался никогда в жизни. Голова была ясной, мысли — чёткими, а в груди разливалось приятное, ничем не обоснованное спокойствие.

— Ты хоть открывал конспект? — спросил Коля с верхней кровати, свешиваясь вниз лохматой головой.

— Открывал, — честно ответил я. — Там пусто.

— Ну ты и... — начал Саша.

— Гений, — закончил я за него. — ты хотел сказать гений. Знаю, я такой.

Я стянул футболку, надел чистую, накинул рюкзак, в котором кроме телефона, зачетки и просроченного шоколадного батончика ничего не было, и вылетел из комнаты.

В коридоре общаги было шумно. Кто-то рыдал над конспектом, кто-то, наоборот, пил кофе с видом смертника, который уже заключил сделку с совестью. Я проскочил мимо них с такой лёгкостью, что даже удивился: обычно перед экзаменом ноги ватные, а тут — пружина.

По дороге в институт я заскочил в ларёк, купил пирожок с капустой и задумался о странном ночном видении. Может, глюки? Переутомление, стресс, недосып? Или правда Халя-

ва пришла, только в каком-то новом, высокотехнологичном обличи?

Я хмыкнул и решил, что разбираться с природой халявы — это уже излишняя неблагодарность. Халява — она и есть халява. Её не анализируют, её ловят.

В коридоре факультета, перед дверью аудитории, где принимал Золотов, я столкнулся со Светкой.

Она была без косы. Волосы распущены, падают локонами на плечи, пахнут чем-то яблочным. В руках — стопка зачётных книжек.

— Паша, — сказала она строго, — ты хоть знаешь, ну, хоть один билет?

— Я вытяну лучший, — ответил я.

— Там такие билеты, что лучшего нет, — вздохнула она. — Профессор в плохом настроении. Вчера у него что-то с техникой случилось, весь день ходил злой.

— Со мной не может случиться ничего плохого, — заявил я. — Сегодня мой день.

Светка посмотрела на меня с таким выражением, в котором смешались жалость, недоумение и — мне показалось? — совсем чуть-чуть симпатии. Или все же жалости?

— Удачи, — сказала она.

— Мне не нужна удача, — улыбнулся я. — Мне нужна ты.

Я сам офигел, как легко слова сорвались с языка. Два года боялся подкатить, а сегодня выкрутил мистера мачо на полную. Светка фыркнула, покраснела и ушла. А я, чертовски

довольный собой, толкнул дверь аудитории.

Профессор Золотов сидел за столом, листая какие-то бумаги. Увидев меня, он поднял голову, и его огромные очки сверкнули так, будто внутри них зажглись лампочки.

— Землянов, — сказал он безо всякого энтузиазма. — Я, честно говоря, не ожидал Вас увидеть.

— Да и я, честно говоря, не ожидал себя здесь увидеть, — признался я. — Но вот он я. Весь такой из себя.

Золотов кивнул на стол.

— Билет.

Я шагнул к столу и вытянул наугад бумажку.

— Номер тринадцать. Счастливый.

— Счастливый для тех, кто учил, — буркнул профессор. — Садитесь. Готовьтесь. Через пятнадцать минут начнёте отвечать.

Я сел за парту, развернул билет и... ничего не понял.

То есть буквы я видел, слова тоже, но их смысл ускользал от меня, как вода сквозь пальцы. Теория вероятностей. Аксиоматика Колмогорова. Закон больших чисел.

В груди похолодело.

«Халява, — мысленно взмолился я. — Ну где же ты? Я ж тебя звал, ты пришла, мы же договорились!»

В ответ — тишина. Только Золотов за столом тяжело вздохнул.

— Землянов, вы читаете?

— Читаю, — соврал я, впиваясь глазами в листок. — Вни-

каю. Процесс осмысления, знаете ли, требует времени.

Минуты шли. Я перечитывал билет раз за разом, но в голове было пусто. Абсолютно пусто. Даже той скудной информации, что я умудрился впитать на первой лекции, там не осталось.

— Время, — сказал Золотов.

Я поднялся, чувствуя, как ноги становятся ватными. Медленно побрёл к столу, держался за билет, как за спасательный круг, который тонул быстрее, чем я.

— Ну-с, — профессор уставился на меня сквозь свои очки-аквариумы. — Излагайте.

Я открыл рот, чтобы выдать что-то вроде «э-э-э», и...

Вдруг в голове что-то щёлкнуло.

Точнее не щелчок, нет. Это было похоже на то, как если бы в тёмной комнате внезапно зажгли люстру. Мир стал ярким, чётким, каждая деталь — осязаемой. Формулы, которые я не учил, всплыли в памяти с такой отчётливостью, будто я зубрил их годами. Теоремы, доказательства, аксиомы — всё это разложилось в голове стройными рядами, как на идеальной библиотечной полке.

Я начал говорить.

Сначала неуверенно, потом — всё быстрее и быстрее. Я излагал материал гладко, без запинок, перескакивая от одного раздела к другому, связывая их в единую картину, которой, как мне казалось, я не знал и не мог знать.

Золотов слушал, и его брови медленно ползли вверх. Он

даже перестал вертеть ручку в пальцах.

— ... Таким образом, закон больших чисел не просто описывает сходимостъ частоты к вероятности, но и указывает на фундаментальное свойство случайных процессов стремиться к детерминированности при увеличении выборки. Если же рассматривать этот закон в контексте неклассических вероятностных пространств, то мы приходим к выводу, что граница между случайным и закономерным носит не статистический, а, скорее, эпистемологический характер, — закончил я и выдохнул.

Тишина.

Профессор Золотов снял очки, протёр их платком, надел снова и уставился на меня.

— Землянов, — сказал он очень медленно. — Откуда Вы это знаете?

— Учил, — пожал я плечами.

— Учили? — переспросил он с таким выражением, будто я сказал, что вырастил на подоконнике динозавра. — Землянов, вы сейчас изложили материал, который не входит в программу Вашего курса. Вы говорили о неклассических вероятностных пространствах, о квантовой интерпретации закона больших чисел, о связи вероятности и энтропии. Этого нет в Вашем конспекте. Этого нет в учебнике. Это есть только в авторских разработках.

Я моргнул.

— Э-э, — сказал я умно.

— Вы каким-то образом прочитали иностранные труды? — прищурился Золотов. Он помолчал, что-то обдумывая. — Или с вами происходит нечто, выходящее за рамки обычной студенческой удачи?

— Я просто хорошо подготовился, ну, VPN, — попытался съехать я.

— Вы. Подготовились. VPN,— Золотов позволил себе редкую улыбку — кривую, как график с разрывом функции. — Землянов, я видел вашу успеваемость. Вы посещали лекции ровно два раза: на первой, чтобы узнать, где находится аудитория, и на последней, чтобы узнать, когда экзамен. Семинары Вы игнорировали. И вдруг Вы выдаёте материал уровня кандидатской диссертации.

Я молчал. Что тут скажешь? Халява, она и есть халява. Но профессору об этом знать не обязательно.

— Ладно, — Золотов взял зачётку, поставил «отлично» и протянул мне. — Но, Землянов... зайдите ко мне сегодня вечером. Восемь часов, кафедра прикладной математики. У меня к вам есть... предложение.

— Предложение? — я напрягся. Если Золотов сейчас начнёт предлагать мне руку и сердце, я буду в шоке.

— Не бойтесь, — усмехнулся профессор, словно прочитав мои мысли. — Просто... мне кажется, Вы не осознаёте, что с вами произошло. А я, кажется, начинаю понимать.

Он повернулся к ноутбуку, вывел на экран какую-то ленту новостей, и я краем глаза успел прочитать заголовки:

«Крупнейшие страховые компании мира сообщают о нулевых выплатах за последние сутки».

«Учёные зафиксировали аномальное поведение...».

«НЛО над Москвой: Минобороны от комментариев отказывается».

Я сглотнул.

— Приходите, Землянов, — сказал Золотов, не оборачиваясь. — Будет интересно. Обещаю.

Я вылетел из аудитории с зачёткой в руке, чувствуя, как внутри меня всё ликует и одновременно замирает от странного, непонятного предчувствия.

В коридоре меня перехватила Светка.

— Ну как? — спросила она с любопытством.

Я молча развернул зачётку.

Она посмотрела на «отлично», потом на меня, потом снова на зачётку.

— Это подделка? — спросила она серьёзно.

— Это судьба, — ответил я. — Свет, ты как насчёт того, чтобы отметить моё гениальное достижение?

— Твоё что? — она прищурилась.

— Гениальное. Я сегодня был гениален. Профессор сам сказал.

— Профессор сказал, что ты гений? — не поверила Светка.

— Ну... не совсем этими словами. Но смысл был именно такой. Давай сходим куда-нибудь, а? Кофе, пироженка, я

угощаю.

Светка поколебалась секунду, потом улыбнулась — той улыбкой, от которой у меня внутри всё перевернулось.

— Ладно, — сказала она. — Но только одно пирожное. И никаких гениальных речей.

— Договорились, — кивнул я, чувствуя, что день определённо удался.

Экзамен сдан, самая красивая девушка идёт со мной на свидание, а впереди — вечер с профессором, который, наверное, хочет предложить мне какую-нибудь научную работу. Всё схвачено.

Я даже не подозревал, что мир вокруг меня только что перестал быть прежним.

Что наноботы, которых я вдохнул вместе с ночным воздухом, уже вплелись в структуру реальности.

Что вероятность отныне — не случайность, а товар.

И самое главное — Халява, которую я позвал в окно, оказалась вовсе не доброй феей, а очень дорогой проституткой, которая рано или поздно выставит счёт.

Но об этом я узнаю позже.

А пока я шёл по коридору факультета, сжимая в руке зачётку, и чувствовал себя королём мира.

ГЛАВА 3. Разговор с профессором

На свидание со Светкой я опоздал на пятнадцать минут, потому что не мог выбрать, что надеть. В итоге натянул джинсы и футболку — как всегда. Светка, когда я подошёл к кафе, сидела за столиком у окна, листала меню.

— Ты чего так долго? — спросила она, когда я плюхнулся напротив.

— Думал о высоком, — ответил я. — О смысле бытия, о цене выбора, о том, почему математика — царица наук.

— И что надумал?

— Что капучино с пирожным — это и есть смысл бытия, — я взял меню. — Заказывай, я угощаю.

Она засмеялась, и я подумал, что, может быть, не всё так плохо. Может быть, я действительно гений. Или просто везучий. Какая разница? Главное, что Светка здесь, напротив, и улыбается мне так, как будто я не прогульщик и лоботряс, а настоящий герой её романа.

Мы проговорили час. О студентах, о преподавателях, о том, что в мире творится что-то странное: люди выигрывают в лотереи, а в новостях только и говорят что об аномалиях. Светка смотрела на меня с любопытством, а я чувствовал, как внутри меня разливается тепло. И тепло это было совсем не от кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.